

Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи

О.Е. Хухлаев*,

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
huhlaevoe@mgppu.ru

Е.А. Александрова**,

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
aleksandrovae@gmail.com

В.В. Гриценко***,

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
gritsenko2006@yandex.ru

В.В. Константинов****,

ФГБОУ ВО ПГУ
konstantinov_vse@mail.ru

И.М. Кузнецов*****,

ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
ingvar31@yandex.ru

Для цитаты:

Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Гриценко В.В., Константинов В.В., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Рыжова С.В., Шорохова В.А. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 3. С. 71–82. doi: 10.17759/chp.2019150308

For citation:

Khukhlaev O.Ye., Aleksandrova E.A., Gritsenko V.V., Konstantinov V.V., Kuznetsov I.M., Pavlova O.S., Ryzhova S.V., Shorokhova V.A. Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2019. Vol. 15, no. 3, pp. 71–82. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2019150308

* *Хухлаев Олег Евгеньевич*, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

** *Александрова Елена Андреевна*, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: aleksandrovae@gmail.com

*** *Гриценко Валентина Васильевна*, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

**** *Константинов Всеволод Валентинович*, доктор психологических наук, заведующий кафедрой, Пензенский государственный университет (ФГБОУ ВО ПГУ), Пенза, Россия. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

***** *Кузнецов Игорь Михайлович*, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия. E-mail: ingvar31@yandex.ru

Khukhlaev Oleg Evgenyevich, Ph.D. in Psychology, Head of the Department of Cross-cultural psychology and multicultural education, faculty of Social psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: huhlaevoe@mgppu.ru

Aleksandrova Elena Andreevna, Ph.D. in Culturology, Associate Professor of the Department of Cross-cultural psychology and multicultural education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: aleksandrovae@gmail.com

Gritsenko Valentina Vasilievna, Ph.D. in Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural psychology and multicultural education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Konstantinov Vsevolod Valentinovich, Ph.D. in Psychology, Head of the Department of General Psychology, Penza State University, Penza, Russia. E-mail: konstantinov_vse@mail.ru

Kuznetsov Igor Mikhailovich, Ph.D. in Sociology, Leading Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: ingvar31@yandex.ru

О.С. Павлова*****,
ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
os_pavlova@mail.ru

С.В. Рыжова*****,
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия,
silica2@yandex.ru

В.А. Шорохова*****,
ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
shorohovava@mgppu.ru

Исследуется проблема взаимосвязи религиозности с межгрупповой неприязнью или предубежденностью. Верифицируется гипотеза о существовании связи между идентификацией с религиозной группой и этнонациональными установками. Выборка испытуемых — 1032 человек, относящие себя к одному из трех вероисповеданий: буддизму, исламу и православию; возраст — от 17 до 22 лет, калмыки, чеченцы, русские. Используются диагностические методики измерения ингрупповой религиозной идентификации, этнонациональных установок, субъективных категорий социальной консолидации и согласия с патриотическими идеологемами (К. Лич, Е.Р. Агадуллина А.В. Ловаков, Л.М. Дробижеева, О.Е. Хухлаев, Н.В. Ткаченко, И.М. Кузнецов, В.Д. Шапиро). С помощью регрессионного анализа обнаружены статистически значимые связи ($p < 0,05$) ингрупповой религиозной идентификации с патриотическими этнонациональными установками молодых людей, независимо от их вероисповедания. Установлено, что идентификация со своей религиозной группой у российской молодежи буддистского, мусульманского и православного вероисповедания сама по себе не является предиктором межгрупповой неприязни. Полученные результаты расширяют научные представления о связи религиозной идентичности и межгрупповых отношений.

Ключевые слова: идентификация с религиозной группой, религиозная идентичность, религиозность, этнонациональные установки, предубежденность, межгрупповые отношения, патриотизм, национализм, космополитизм.

Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth

О.Е. Khukhlaev,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
hukhlaevoe@mgppu.ru

Е.А. Alexandrova,
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
aleksandrovaee@gmail.com

***** *Павлова Ольга Сергеевна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: *os_pavlova@mail.ru*

***** *Рыжова Светлана Валентиновна*, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Россия. E-mail: *silica2@yandex.ru*

***** *Шорохова Валерия Альбертовна*, старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии, ФБГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия. E-mail: *shorohovava@mgppu.ru*

Pavlova Olga Sergeevna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Cross-cultural psychology and multicultural education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: *os_pavlova@mail.ru*

Ryzhova Svetlana Valentinovna, Ph.D. in Sociology, Leading Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: *silica2@yandex.ru*

Shorokhova Valeria Albertovna, Senior Lecturer of the Department of Cross-cultural psychology and multicultural education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia. E-mail: *shorohovava@mgppu.ru*

V.V. Gritsenko,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
gritsenko2006@yandex.ru

V.V. Konstantinov,

Penza State University, Penza, Russia
konstantinov_vse@mail.ru

I.M. Kuznetsov,

Institute of Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia,
ingvar31@yandex.ru

O.S. Pavlova,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
os_pavlova@mail.ru

S.V. Ryzhova,

Institute of Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia,
silica2@yandex.ru

V.A. Shorokhova,

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
shorokhova@mgppu.ru

The current research studies the problems connected with interrelation between religiosity and intergroup hostility (or prejudice). We hypothesized and verified the connection between identification with religious group and ethno-national attitudes. Diagnostic methods measuring in-group religious identification, ethno-national attitudes, subjective categories of social consolidation and agreement with patriotic ideologems (by C.W. Leach, E. R. Agadullina, A.V. Lovakov, L. M. Drobizheva, O.E. Khukhlaev, N.V. Tkachenko, I.M. Kuznetsov, V.D. Shapiro) were used on the sample of 1032 participants (ages from 17 to 22 years), belonging to one of three religions: Buddhism (Kalmyks), Islam (Chechens) or Orthodoxy (Russians). The regression analysis provided statistically significant connections ($p < 0.05$) of in-group religious identification and patriotic ethno-national attitudes of young people, regardless of their religion. Moreover among Russian Buddhist, Muslim and Orthodox youths the identification with the religious group is not revealed as a predictor of intergroup hostility. The study results extend the scientific understanding of the relationship between religious identity and intergroup relations.

Keywords: identification with a religious group, religious identity, religiosity, ethno-national attitudes, prejudice, intergroup relations, patriotism, nationalism, cosmopolitanism.

Как связаны религия и межгрупповые отношения? Вопрос исторически неочевидный.

С одной стороны, история знает множество войн и иных жестоких столкновений на почве религиозной принадлежности. До сих пор именно религиозный фактор является одним из ведущих в формировании межгрупповой неприязни.

С другой стороны, все мировые религии декларируют исключительно гуманное, а некоторые из них и космополитическое, отношение к «другому». Считается, что именно христианские ценности исторически легли в основание современного представления о правах человека. Как отмечает П.С. Гуревич, «... именно христианство явилось почвой европейской персоналистской традиции. В нем личность понимается как своеобразная святыня... Речь идет о трактовке человека как безусловной ценности»

[5, с. 155]. В исламе провозглашается уважительное отношение к представителям иных религиозных воззрений и их неприкосновенность: «Нет принуждения в религии»¹. Согласно буддийскому вероучению, насилие, непричинение вреда живым существам является составляющим этапом нравственности, или соблюдения обетов («шила»), входящего в путь, ведущий к прекращению страданий («Четвертая Благородная Истина буддизма» [17].

В силу противоречия между декларированием миролюбия и интенсивностью межгруппового насилия на религиозной почве в реальности, вопросы взаимосвязи религии с межгрупповой неприязнью или предубежденностью волновали психологов с середины 60-х гг. Одна из наиболее популярных концепций религиозности, предложенная Г. Олпортом, по сути дела, была посвящена «разведению» двух составля-

¹ Коран, 2:256.

ющих религии: провоцирующей аутистическую враждебность и ориентированной на «миролюбивые» взаимоотношения. В самой цитируемой (по данным WebofScience) статье по социальной психологии Г. Олпорт [24] так описывает указанные виды религиозности (или религиозной ориентации в терминах Г. Олпорта): «Люди с внешней ориентацией склонны использовать религию для своих целей. Они могут считать религию полезной по разным причинам — как источник уверенности и утешения, общения и развлечения, статуса и самооправдания. Свою веру они принимают не особо всерьез или же выборочно кроют под себя и более важные свои интересы... У людей с внутренней ориентацией религия — основной мотив. Другие потребности, хотя бы и сильные, они считают, в конечном счете, менее важными и пытаются приводить их к согласию с религиозными убеждениями и предписаниями. Свою веру они пытаются усвоить (internalize) и полностью ей следовать. Именно в этом смысле они “живут” религией» [цит. по: 16, с. 4]. В результате именно внешняя религиозность оказывается связанной с предубежденностью к аутистическим группам.

М. Донахью [26] провел метаанализ исследований взаимосвязи между религиозностью и межгрупповыми отношениями. В девяти исследованиях 1967—1977 гг. отчетливо продемонстрировано наличие устойчивой взаимосвязи между внешней религиозностью и предубеждениями по отношению к афроамериканцам, латиноамериканцам, евреям, лицам с психическими расстройствами. Также с внешней религиозностью связан этноцентризм и «расовый консерватизм». Внутренняя же религиозность, напротив, обозначается исследователями как феномен, позитивно влияющий на межгрупповые отношения.

Однако, как отмечают И. Хансен и А. Норензия [31], внутренняя религиозность в многочисленных исследованиях обнаруживает различные взаимоотношения с предубежденностью — чаще всего негативные (как изначально предполагал Г. Олпорт), но иногда и их отсутствие (т. е. ортогональность), а в ряде случаев — позитивную связь. Результаты современных исследований не вносят ясности в данный вопрос. Так, при изучении христиан и агностиков с христианским образованием обнаружена взаимосвязь между внутренней религиозностью и их предубежденностью по отношению к атеистам, причем такой же связи с внешней религиозностью не выявлено [28].

По мнению исследователей, этот феномен объясняется тем, что внутренняя религиозность является отражением приверженности к религиозной группе [31], а не проявлением «зрелой» религиозности, которая, согласно концепции Г. Олпорта, противостоит межгрупповой враждебности. При этом, как отмечает Д. Ван Камп [34], рассмотрение внутренней религиозности как исключительно индивидуальной неверно и может в какой-то мере соответствовать реальности только для христиан из индивидуалистских западных культур.

Сопряжение внутренней религиозности и приверженности к религиозной группе нашло отражение в понятии религиозной идентичности, которое в современном отечественном научном дискурсе понимается, с одной стороны, как «... фиксирование тождественности субъекта в смысле приобретения посредством религии собственного экзистенциального опыта» [10, с. 223], а с другой стороны, — как «субъективное переживание индивидом своей принадлежности к религиозному сообществу» [3, с. 286].

Социальные аспекты религиозной идентичности, т. е. рассмотрение ее с позиции ингрупповой идентификации как осознание принадлежности к определенной религиозной группе, сегодня изучаются достаточно широко, как в отечественной, так и в зарубежной социальной психологии [22; 29; 33]. Следует отметить, что далее в рамках данной статьи мы будем использовать понятия религиозной идентичности и ингрупповой религиозной идентификации (т. е. идентификации со своей религиозной ингруппой) как синонимичные.

Среди направлений исследовательской активности ученых, занимающихся проблематикой религиозной идентичности, мы можем отметить изучение взаимосвязи ее составляющих с предубежденностью; при этом результаты научных работ характеризуются высокой степенью неоднозначности. С нашей точки зрения, одним из вариантов может быть применение для анализа религиозной идентичности подхода, разработанного на основе анализа социальной идентичности в целом. На сегодняшний день одна из наиболее известных «синтетических» (т. е. объединяющих подходы, показавшие эмпирическую эффективность) моделей предложена К. Личем с соавторами [30], которые выделяют пять основных компонентов социальной идентичности, составляющих, в свою очередь, два более крупных фактора. Модель демонстрирует хорошие эмпирические результаты, также адаптирована на российской выборке [1] и вполне приложима к религиозной сфере. Таким образом, становится возможным изучение отдельных компонентов религиозной идентичности (или ингрупповой религиозной идентификации, в терминологии К. Лича), что расширяет исследовательские возможности.

По данным исследований [30], удовлетворенность членством в ингруппе является наиболее общим аспектом идентификации с группой. В ситуации «перекрещения» этничности и религиозности, характерной для современной России [12; 22], позитивная оценка своей религиозной ингруппы, по всей вероятности, тесно связана с позитивным отношением к своей этнической/национальной ингруппе.

Подчеркнем, что результаты исследований взаимосвязи ингрупповой религиозной идентификации и предубежденности отличались у разных исследователей в зависимости от того, к какому конкретно социальным группам измерялось отношение. Исключить зависимость от реалий конкретной ситуации межгруппового взаимодействия, можно только изучая установки более широкого характера. О.Е. Хухлаев

[18; 23] предлагает рассматривать этнонациональные установки как предрасположенность индивида к оценке проявлений феномена национальности (этничности) или оценочное отношение к феномену национальности. Они являются генерализованными установками, так как существуют вне контекста конкретных межгрупповых отношений. Использование данного подхода может позволить получать сравнительные данные по разным религиозным группам, что особенно важно в российской ситуации религиозного и культурного многообразия.

Таким образом, ключевая гипотеза исследования состояла в предположении о том, что существуют взаимосвязи между различными компонентами ингрупповой религиозной идентификации и этнонациональными установками, причем данные взаимосвязи обладают высокой степенью специфичности у представителей различных религиозных групп. У буддистов и православных удовлетворенность членством в религиозной группе, как центральный компонент идентификации с ней [30], будет выступать предиктором этнонациональных установок. При этом у мусульман Северного Кавказа ее место, скорее всего, займет приверженность религиозной группе, в силу того, что более выраженная у них коллективистская ориентация [8; 13; 20] определяет связь между субъективной сплоченностью религиозной ингруппы и отношением к своей/другим «национальностям».

Метод

Общая выборка исследования составила 1032 человека. Из них 270 человек отнесли себя к буддизму, 421 — к исламу, а 341 человек — к православному вероисповеданию. Данные респондентов, которые отнесли себя к неверующим, в исследовании не учитывались. В исследовании принимали участие студенты, обучающиеся в различных вузах, расположенных в городах-региональных центрах: Грозный, Пенза, Смоленск, Элиста. Возраст — 17–22 года, в среднем — 18,7 лет. (ст. откл. 1,6). Некоторое преобладание респондентов женского пола (60%) связано с тем, что выборка собиралась в большинстве своем среди учащихся разнообразных педагогических направлений (биология, история, география и пр.). При этом большая часть респондентов отметили себя не только как верующих, но и «стараящихся соблюдать обычаи и обряды».

В качестве инструментов исследования использовались следующие методики.

Измерение ингрупповой религиозной идентификации — опросник, разработанный К. Лич с соавторами и адаптированный Е.Р. Агадуллиной и А.В. Ловаковым, состоящий из 5 шкал. Это «Самостереотипизация» (сходство себя и «типичного», среднего представителя ингруппы), «Ингрупповая гомогенность» (представление о единообразии своей группы, взаимной схожести ее участников), «Сплоченность/единение» (психологическая связь с группой и приверженность), «Удовлетворенность член-

ством в группе» и «Выраженность (центральность) религиозной идентичности» [1; 30].

Шкала этнонациональных установок [18]. Опросник позволяет выявить четыре формы установок: националистические установки (неприятное отношение к представителям иных национальностей); патриотические установки (ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми «своей национальности»); нейтральные этнонациональные установки (нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности); установка на «периферийность» вопросов, связанных с национальностью; негативистские этнонациональные установки (отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности).

Субъективные категории социальной консолидации — традиционно используются в исследованиях социальной идентичности россиян, проводимых Институтом социологии РАН; виды консолидации: религиозная: «Люди Вашей веры, вероисповедания»; этнонациональная: «Люди той же национальности, что и Вы»; локальная: «Жители Вашего города» [7].

Самооценка исполнения религиозных практик, условно обозначенная как «воцерковленность», изучалась посредством выбора вариантов ответа, касающихся своей религиозности: от «Верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды» до «Неверующий, атеист».

Согласие с патриотическими идеологемами — методика, сконструированная и апробированная И.М. Кузнецовым на основе инструментария, разработанного доктором экономических наук, профессором, главным научным сотрудником ИС РАН В.Д. Шапиро. Методика предназначена для фиксации наиболее распространенных в бытовом сознании вариантов интерпретации понятия «патриотизм»: «охранительного», «шовинистического» или «гражданского» [11].

Результаты

По результатам сравнения выраженности этнонациональных установок у представителей различных религиозных групп с помощью одномерного дисперсионного анализа (ANOVA, одномерный критерий Шеффе) были обнаружены следующие различия (табл. 1).

Студенты-буддисты демонстрируют меньшую степень негативного отношения к другим национальностям ($p=,00$) (националистические установки), чем представители иных религий.

Ощущение гордости за свою национальную принадлежность (патриотические установки) в наибольшей степени испытывают мусульмане ($p=,00$), несколько меньше — буддисты ($p=,00$), и в наименьшей степени данное чувство присуще студентам православного вероисповедания ($p=,04$).

Нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности (нейтраль-

ные этнонациональные установки) в наименьшей степени свойственно мусульманской молодежи ($p=,00$). Отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности (негативистские этнонациональные установки) более характерно для студентов-буддистов, чем для православных ($p=,00$).

Для определения взаимосвязей была проведена пошаговая множественная регрессия, где независимыми переменными являлись компоненты ингрупповой религиозной идентификации, а зависимой — каждая из этнонациональных установок.

Наиболее отчетливо выражена **взаимосвязь между религиозной идентификацией и патриотическими установками**. У православных студентов удовлетворенность членством в религиозной группе оказалась первой наиболее важной независимой переменной и объясняла примерно 19% дисперсии патриотических этнонациональных установок ($F = 71,38$; $p = ,00$; $R^2 = ,19$; $Beta = ,43$). Ингрупповая гомогенность была второй переменной и объясняла еще 1% ($F = 4,26$; $p = ,04$; $R^2 = ,01$; $Beta = ,13$). У мусульман единственной переменной, связанной с патриотическими установками, оказалась сплоченность, объясняющая 10% дисперсии ($F = 36,99$; $p = ,00$; $R^2 = ,10$; $Beta = ,31$). Для буддистов наиболее «влиятельной» оказалась самостереотипизация, объясняющая 19% дисперсии патриотизма ($F = 57,70$; $p = ,00$; $R^2 = ,19$; $Beta = ,43$), а удовлетворенность членством в религиозной группе рассматривалась в качестве второй переменной, объясняющей дополнительные 5% ($F = 14,14$; $p = ,00$; $R^2 = ,05$; $Beta = ,27$).

В случае, когда в качестве зависимой переменной выступали **националистические установки**, результаты существенно отличаются. У православных в качестве единственной независимой переменной, объясняющей 3% дисперсии, выступает выраженность идентификации с религиозной группой ($F = 9,48$; $p = ,00$; $R^2 = ,03$; $Beta = ,17$). Для мусульман 1% дисперсии национализма объясняется данным

компонентом идентификации с религиозной группой ($F = 6,86$; $p = ,01$; $R^2 = ,02$; $Beta = ,14$), а у буддистов значимой взаимосвязи не обнаружено. Таким образом, даже при наличии достоверных взаимосвязей, идентификация с религиозной группой вносит минимальный вклад (1–3% дисперсии) в согласие с националистическими установками.

Нейтральные этнонациональные установки у православных находятся в обратной взаимосвязи с удовлетворенностью членством в религиозной группе ($F = 20,51$; $p = ,00$; $R^2 = ,08$; $Beta = -,28$), то же у буддистов ($F = 13,06$; $p = ,00$; $R^2 = ,04$; $Beta = -,20$). При этом у мусульман данной значимой взаимосвязи не обнаружено.

Достоверных взаимосвязей между компонентами ингрупповой религиозной идентификации и **негативистскими этнонациональными установками** не выявлено.

В табл. 2 представлены результаты иерархической множественной регрессии, проведенной для определения необходимости учета влияния на этнонациональные установки ряда иных факторов, контролируемых в исследовании.

Так как наибольший (и по сути единственный, требующий внимательного рассмотрения во всех религиозных группах) объем объясненной дисперсии был связан именно с патриотическими установками, регрессионная модель была построена только в их отношении.

Влияния социально-демографических показателей (возраст, пол и материальное положение) на выраженность патриотических установок не было обнаружено, таким образом данные параметры выступали как контролируемые. На первом этапе регрессионного анализа в качестве независимых переменных выступали категории социальной консолидации, на втором — самооценка исполнения религиозных практик, условно обозначенная как «воцерковленность». Третий шаг регрессионной модели включал в себя согласие с патриотическими идеологемами, причем только гражданского патри-

Таблица 1
 Средние значения выраженности этнонациональных установок у представителей различных религиозных групп

Этнонациональные установки	Вероисповедание	Среднее	Стандартное отклонение	Статистические параметры модели
Националистические	Буддизм	2,20	,74	$F(4) = 10,29$, $p = ,000$
	Ислам	2,60	,86	
	Православие	2,58	,88	
Патриотические	Буддизм	3,72	,75	$F(4) = 66,36$, $p = ,000$
	Ислам	3,99	,65	
	Православие	3,52	,72	
Нейтральные	Буддизм	2,61	,87	$F(4) = 54,38$, $p = ,000$
	Ислам	2,14	,96	
	Православие	2,78	,99	
Негативистские	Буддизм	3,35	,84	$F(4) = 4,52$, $p = ,001$
	Ислам	3,14	1,03	
	Православие	3,03	,89	

отизма, так как корреляций между «шовинистическим» патриотизмом и ингрупповой религиозной идентификацией обнаружено не было. Четвертый шаг — три компонента ингрупповой религиозной идентификации («удовлетворенность», «самостереотипизация» и «сплоченность»), которые в пошаговой множественной регрессии продемонстрировали наибольший объем объясненной дисперсии в каждой религиозной группе.

Категории социальной консолидации, введенные на первом этапе, объяснили 26% дисперсии патриотических установок у буддистов, при этом наиболее выражен частный регрессионный коэффициент у локальной консолидации («жители моего города»). У мусульман и православных обнаружена единственная значимая взаимосвязь патриотизма с этнонациональной консолидацией, при этом с достаточно небольшим R^2 .

Самооценка исполнения религиозных практик, условно обозначенная как «воцерковленность», и согласие с идеологемами гражданского патриотизма (3-й и 4-й этап анализа) не продемонстрировали значимых взаимосвязей с патриотическими этнонациональными установками.

Компоненты идентификации с религиозной группой, включенные в модель на четвертом этапе, во всех религиозных группах показали существенное значение. Наибольший специфический вклад религиозной идентификации (ΔR^2) в объясненную дисперсию патриотизма обнаружен у православных (15%, удовлетворенность); у буддистов он в два раза (8%, удовлетворенность и самостереотипизация), а у мусульман в три раза (6%, сплоченность, приверженность) ниже. Наиболее высокий коэффициент детерминации патриотических этнонациональных установок у православных и мусульман демонстрируют различные компоненты идентификации с религиозной группой (сплоченность — мусульмане и удовлетворенность членством — православные), а у буддистов — ощущение локальной консолидации

(«близости с жителями одного города»). При этом значимость всех моделей на данном этапе достаточно высокая ($p \leq 0,001$).

Обсуждение результатов

Обсудим результаты сравнения выраженности этнонациональных установок у представителей различных религиозных групп.

У буддистской религиозной молодежи обнаружены: меньшая степень негативного отношения к другим национальностям (националистические установки) и более высокое, чем у православных, отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности (негативистские этнонациональные установки). Причиной здесь является не только традиционный стереотип о «миролюбивости» буддизма. Согласно современным исследованиям [27], у буддистов религиозность снижает предубежденность против представителей иных религиозных групп. Основной механизм данного феномена связан с выраженной просоциальностью буддизма и большей ориентацией на ценности универсализма (по Ш. Шварцу). Причем, как показало исследование М. Клоберт и др. [25], именно ценности универсализма являются модераторами между прайминговой манипуляцией основными буддистскими концептами («Будда», «Дхарма» и «Сутра») и снижением предубежденности.

Среди студентов православного вероисповедания в меньшей степени по сравнению с буддистами и мусульманами выражены патриотические этнонациональные установки. Вероятно, это связано с тем, что большая часть православных респондентов — русские. Как отмечает Л.М. Дробижева, «... при идеологической нечеткости отношения к прошлому и проектов на будущее, в том числе в сфере этнонациональной политики, массовое сознание русских может

Таблица 2

Социальная консолидация, «воцерковленность», гражданский патриотизм и идентификация с религиозной группой как предикторы патриотических этнонациональных установок

Предикторы	Буддисты β	Мусульмане β	Православные β
Этнонациональная консолидация****	,20**	,17*	,13*
Религиозная консолидация****	,10	-,06	-,10
Локальная консолидация****	,27***	,02	,00
«Воцерковленность»****	,07	,05	,06
Гражданский патриотизм****	,06	,01	,12*
Идентификация с религиозной группой: удовлетворенность членством	,18*	,05	,39***
Идентификация с религиозной группой: само-стереотипизация	,16*	,05	,01
Идентификация с религиозной группой: сплоченность/приверженность	-,00	,22**	,07
R^2	,36	,11	,26
ΔR^2	,08	,06	,15
$F_{изм}$	7,93***	6,40***	15,04***

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$; «****» — курсивом выделены переменные, включенные на 1–3 шаге построения регрессионной модели.

еще долго оставаться неконсолидированным на позитивных ценностях, а чаще опираться на оборонительные, защитные настроения» [6, с. 57]. При этом в большинстве отечественных исследований наименьшая доля респондентов, позитивно оценивших свою этническую группу, оказывается среди русских [4].

Среди мусульман наблюдается наибольшая выраженность патриотических установок и наименьшая — индифферентного отношения к своей национальной принадлежности (нейтральных этнонациональных установок).

Высокая значимость патриотических установок для мусульман Чечни и их связь с этнической идентичностью уже была обнаружена в исследованиях [15]. При этом, как отмечает О.С. Павлова, у чеченцев «этническая и религиозная (конфессиональная) идентичности обнаруживают тенденцию к слиянию» [12, с. 131]. Таким образом, большая выраженность позитивного отношения к своему народу является во многом функцией значимости религиозного фактора в сознании современной чеченской молодежи.

Перейдем к обсуждению результатов изучения взаимосвязи идентификации с религиозной группой и этнонациональных установок.

Обнаружено, что ингрупповая религиозная идентификация не является существенным предиктором националистических установок у православных и мусульман (т. е. связь наблюдается, но с незначительным объемом объясненной дисперсии R^2), а у буддистов данная взаимосвязь отсутствует.

Данное отличие буддистов, по-видимому, объясняется большей религиозной толерантностью буддистской религии в целом, подробно обсужденной выше.

Результаты, полученные в православной и мусульманской выборках, отчасти совпадают с данными К. Лича и др. [30] о том, что именно выраженность национальной идентичности связана с восприятием угрозы из-за «напряжения» по поводу представителей аутгруппы. Однако малый объем объясненной дисперсии (1–3%) не позволяет говорить о том, что идентификация с религиозной ингруппой у православной и мусульманской молодежи может приводить к повышению неприязни к другим национальностям. Как отмечает С.В. Рыжова, «... риски этнической и конфессиональной нетерпимости порождаются не верой, а трактовкой религиозным сознанием острых социальных противоречий и проблем» [14, с. 2555].

Патриотические этнонациональные установки, напротив, оказались в существенной степени детерминированы идентификацией с религиозной группой. Очевидно, что здесь находит отражение тесное сопряжение для респондентов этничности и религиозности: русский — православный, чеченец — мусульманин и калмык — буддист. Как идентификация с этнической группой обеспечивает чувство безопасности личности [9], так и идентификация с религиозной группой тесно связана с ценностями, направленными на защиту себя от угроз и беспокойства (избегания тревоги по Ш. Шварцу) [19; 21].

Механизмы, посредством которых реализуется взаимосвязь идентификации с религиозной ингруппой и патриотических установок, в разных религиозных группах различаются. В ситуации контроля влияния демографических показателей, категорий социальной консолидации, воцерковленности и патриотических идеологем, воздействие идентификации с религиозной группой на позитивное отношение к своей этнической группе наиболее выражено у православной молодежи. Ключевой компонент здесь — удовлетворенность членством в религиозной группе. Позитивные эмоции, возникающие по факту принадлежности к православным, оказывают существенное влияние на значимость своей этнической/национальной группы и связанное с этим ощущение гордости.

Такая же ситуация отчасти характерна и для буддистов. Однако здесь мы наблюдаем две особенности. Во-первых, кроме удовлетворенности своей религиозной идентичностью с патриотическими установками также тесно связано представление о том, насколько каждый буддист соответствует «усредненному», прототипному члену ингруппы, а буддисты в целом имеют общую судьбу» («Самостереотипизация»). Возможно, это связано с тем, что буддисты из Калмыкии являются носителями особого вида буддизма, не встречающегося более на территории России. Поэтому для них ощущение своей «однородности» ведет к повышению гордости за свой народ, как уникальный, не только в этническом, но и в религиозном отношении.

Вторая особенность полученных на буддистской выборке взаимосвязей — относительно (сравнивая с православными) меньший вклад в дисперсию патриотических установок именно ингрупповой религиозной идентификации. В большей степени на позитивное отношение к своей этнической/национальной группе оказывают влияние все задействованные в исследовании категории социальной консолидации, а в первую очередь — локальная. Именно ощущение близости с «жителями одного города» оказывается наиболее важно для роста выраженности патриотических установок у буддистов из Калмыкии. Вероятно, это отражает особенности исторического развития, связанные как с традиционным типом хозяйства, так и со стратегией поведения, выработанной благодаря степному образу жизни в контексте восприятия непосредственного окружающего пространства как родового [2].

У мусульман Чечни взаимосвязь идентификации с религиозной ингруппой и патриотических установок выражена существенно меньше, чем у православных (коэффициент влияния β и объем объясненной дисперсии R^2 меньше в 1,5–2 раза). При этом на ощущение гордости за свой народ влияет «сплоченность», т. е. ощущение связи с религиозной группой и приверженность ее ценностям и целям, а не такой компонент идентификации с религиозной группой, как «удовлетворенность». Вероятно, для данной группы респондентов принадлежность

к религиозной и этнической группе уже является «сложившимся» фактом. Можно предположить, что мы здесь имеем дело с предрешенной идентичностью (по Марсиа) или, в терминах Л. Пика, с «предписанной» религиозной идентичностью [32], свойственной культурам с большей выраженностью коллективистских ценностей. В этом случае индивидуальное переживание удовлетворенности своей религией менее важно, а на первое место выступает непосредственное ощущение связи с носителями своей религии, которые в данной ситуации являются, в первую очередь, именно чеченцами по этнической принадлежности.

Выводы

В результате эмпирического исследования выявлены статистически значимые взаимосвязи между идентификацией с религиозной ин группой и этнонациональными установками буддистской, мусульманской и православной молодежи, анализ которых позволяет выделить как общий, так и специфический характер полученных связей.

1. Обнаружены тесные связи ин групповой религиозной идентификации с патриотическими этнонациональными установками у молодых людей, независимо от их вероисповедания. Однако вклад каждого из пяти компонентов идентификации с религиозной ин группой в детерминацию патриотических установок буддистов, мусульман и православных различен.

Так, для православных наибольший вес имеет степень удовлетворенности своей принадлежностью к православию («удовлетворенность членством в группе»); для мусульман важна психологическая связь с теми, кто исповедует ислам и приверженность мусульманству («сплоченность/единение»), а для буддистов — осознание сходства себя и «типичного», среднего представителя своей группы («самостереотипизация»), а также степень удовлетворенности своей принадлежностью к буддизму («удовлетворенность членством в группе»)

2. Сходство православных и буддистов заключается в том, что чем меньше удовлетворены молодые люди членством в религиозной группе, тем больше

для них характерны нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности и установка на «периферийность» вопросов, связанных с национальностью (нейтральные этнонациональные установки).

3. На выборке православных и мусульман обнаружены сходные связи между степенью выраженности (центральности) религиозной идентичности и неприязненным отношением к представителям иных национальностей (националистические установки), однако статистические параметры данной взаимосвязи не позволяют говорить о том, что ин групповая религиозная идентификация является сколько-нибудь существенным предиктором националистических установок.

4. Идентификация с религиозной ин группой у российской молодежи буддистского, мусульманского и православного вероисповедания сама по себе не является предиктором межгрупповой неприязни. Она повышает субъективную значимость этничности и позитивное этническое самоощущение, что в целом является позитивным фактором межгруппового взаимодействия. Нельзя при этом утверждать и обратное — что осознание принадлежности к религиозной группе однозначно ведет к межгрупповой толерантности. Можно только констатировать, что изучение природы «конструктивной» религиозности, начатое Г. Олпортом, а затем продолженное в исследованиях религиозной идентичности, еще далеко от своего завершения.

5. В заключение отметим также, что наше исследование имело ряд ограничений. Во-первых, ответы респондентов об их этнонациональных установках и идентификации с религиозной группой могли находиться под влиянием социальной желательности. Во вторых, мы изучали данные психологические феномены только на чеченцах, как представителей мусульманской молодежи, и только на калмыках, как представителей буддийской молодежи. Вероятно, расширение выборки исследования за счет представителей других этнических групп, исповедующих ислам и буддизм, позволит получить дополнительные данные, уточняющие универсальный или специфический характер взаимосвязей между религиозной идентичностью и этнонациональной предубежденностью.

Финансирование

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ».

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project No 15-06-10843 “Religious identity risks and resources in present-day Russia: cross-cultural analysis”).

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ин групповой идентификации: проверка на российской

References

1. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Model' izmereniya ingruppovoi identifikatsii: proverka na rossiiskoi vyborke

- выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 10(4). С. 143–157.
2. Александрова Е.А. Религиозный и традиционный компоненты в социальных представлениях калмыцкой молодежи // Аналитика культурологии. 2011. № 20. С. 120–123.
3. Бондаренко О.В., Леонова М.С. Религиозная идентичность: экспликация понятия // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 285–291.
4. Гриценко В.В. Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. Вып. 1/2. С. 62–70.
5. Гуревич П.С. Философия человека. М.: ИФРАН, 1999. 221 с.
6. Дробизева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58.
7. Дробизева Л.М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. 2009. Т. 3. № 1. С. 135–144.
8. Жемчурова С.Ш. Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде: дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010. С. 71.
9. Константинов В.В., Вершинина М.В. Взаимосвязь этнической идентичности мигрантов-армян и условий их проживания в принимающем сообществе // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 71–79.
10. Крылов А.Н. Религиозная идентичность: индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Икар, 2012. 303 с.
11. Кузнецов И.М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. Т. 24. № 7. С.164–171.
12. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 119–133.
13. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: Сам Полиграфист, 2012. 558 с.
14. Рыжова С.В. Православная идентичность в гражданском обществе: ресурсы и риски становления // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] // Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса (г. Уфа, 2–24 октября 2012 г.). М.: РОС, 2012. С. 2549–2557. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>. (дата обращения: 18.09.2018).
15. Социальная идентичность и этнонациональные установки студенческой молодежи Чечни / Хухлаев О.Е. [и др.] // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 23–40. doi:10.17759/sps.2015060403
16. Титов Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 2–9.
17. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 304 с.
18. Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 46–57.
19. Хухлаев О.Е., Шорохова В.А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // Социальная психология [Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2013, no. 10 (4), pp. 143–157.
2. Aleksandrova E.A. Religiozniy i traditsionnyy komponenty v sotsial'nykh predstavleniyakh kalmytskoi molodezhi [Religious and traditional components in the social representations of Kalmyk youth]. *Analitika kul'turologi* [Analytics of Culturology], 2011, no. 20, pp. 120–123.
3. Bondarenko O.V., Leonova M.S. Religioznaya identichnost': eksplikatsiya ponyatiya [Religious identity: concept explication]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and social sciences], 2010, no. 6, pp. 285–291.
4. Gritsenko V.V. Etnicheskaya identichnost' i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya [Ethnic identity and socio-psychological adaptation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2006, Vol. 6 (1/2), pp. 62–70.
5. Gurevich P.S. Filosofiya cheloveka [The Philosophy of Man]. Moscow: IFRAN, 1999. 221 p.
6. Drobizheva L.M. Rossiiskaya identichnost' v massovom soznanii [Russian identity in the mass consciousness]. *Vestnik rossiskoi natsii* [Bulletin of the Russian Nation], 2009. Vol. 3, no. 1, pp. 135–144.
7. Drobizheva L.M. Identichnost' i etnicheskie ustanovki russkikh v svoei i inoetnicheskoi srede [Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and other ethnic environment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2010, no. 12, pp. 49–58.
8. Zhemchurava S.Sh. Teoretiko-metodologicheskie aspekty sotsiologicheskoi diagnostiki identichnosti chechentsev v polietnicheskoi srede [Theoretical and methodological aspects of sociological diagnostics of Chechen identity in a multiethnic environment. Ph. D. (Sociology) diss.]. Saratov, 2010. 71 p.
9. Konstantinov V.V., Verшинina M.V. Vzaimosvyaz' etnicheskoi identichnosti migrantov-armyan i uslovii ikh prozhivaniya v prinimayushchem soobshchestve [Correlation between ethnic identity of migrants – Armenian and their living conditions in host community]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2014. Vol. 35, no. 1, pp. 71–79.
10. Krylov A.N. Religioznaya identichnost': individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve [Religious identity: individual and collective self-awareness in post-industrial space]. Moscow: Ikar, 2012. 303 p.
11. Kuznetsov I.M. Variativnost' diskursov patriotizma v povsedevnom soznanii rossiyan [Variability of discourses of patriotism in the everyday consciousness of Russians]. *Vlast' [Power]*, 2016, no. 7, pp. 164–171.
12. Pavlova O.S. Ob etnicheskoi, religioznoi i gosudarstvenno-grazhdanskoi identichnosti chechentsev i ingushei [Ethnic, Religious and Civil Identity of Chechen and Ingush People]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2013, no. 2, pp. 119–133. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Pavlova O.S. Chechenskiy etnos segodnya: cherty sotsial'no-psikhologicheskogo portreta [The Chechen ethnos today: the features of the socio-psychological portret]. Moscow: Sam Poligrafist, 2012. 558 p.
14. Ryzhova S.V. Pravoslavnaya identichnost' v grazhdanskom obshchestve: resursy i riski stanovleniya [Elektronnyi resurs] [Orthodox Identity in Civil Society: Resources and Risks of Becoming]. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. Materialy Chetvertogo Ocherednogo Vserossiiskogo

и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 35–50. doi:10.17759/sps.2016070203

20. Шорохова В.А. Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ // *Minbar. Islamic Studies*. 2019. Т. 12. № 2. С. 585–589. doi:10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598

21. Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Дагбаева С.Б. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания // *Культурно-историческая психология*. 2016. Т. 12. № 1. С. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107

22. Шумилова Е.А., Ходжаева Е.А. Особенности становления российской гражданской идентичности мусульман в Татарстане / Отв. ред. В.С. Магун // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России*. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 132–168.

23. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи / О.Е. Хухлаев [и др.] // *Культурно-историческая психология*. 2011. № 4. С. 97–106.

24. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1967. Vol. 5. № 4. P. 432–443. doi:10.1037/h0021212

25. Clobert M., Saroglou V., Hwang K.-K. Buddhist Concepts as Implicitly Reducing Prejudice and Increasing Prosociality // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. Vol. 41(4). P. 513–525. doi:10.1177/0146167215571094

26. Donahue M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis // *Journal of Personality & Social Psychology*. 1985. Vol. 48. № 2. P. 400–419. doi:10.1037/0022-3514.48.2.400

27. East Asian Religious Tolerance—A Myth or a Reality? Empirical Investigations of Religious Prejudice in East Asian Societies / M. Clobert [et al.] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014. Vol. 45(10). P. 1515–1533. doi:10.1177/0022022114546641

28. Goplen J., Plant A. Religious Worldview: Protecting One's Meaning System Through Religious Prejudice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2015. Vol. 41(11). P. 1474–1487. doi:10.1177/0146167215599761

29. Greenfield E.A., Marks N.F. Religious social identity as an explanatory factor for associations between more frequent formal religious participation and psychological well-being // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2007. Vol. 17 (3). P. 245–259. doi:10.1080/10508610701402309

30. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification / C.W. Leach [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165. doi:10.1037/0022-3514.95.1.144

31. Hansen I. G., Norenzayan A. Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance // *Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion* / Ed. P. McNamara. Westport, CT: Praeger, 2006. P. 187–211.

32. Peek L. Becoming Muslim: The development of a religious identity // *Sociology of Religion*. 2005. Vol. 66 (3). P. 215–242. doi:10.2307/415309

33. The religious commitment inventory-10: Development, refinement, and validation of a brief scale for research and counseling / E.L. Worthington [et al.] // *Journal of Counseling Psychology*. 2003. Vol. 50(1). P. 84–96. doi:10.1037/0022-0167.50.1.84

sotsiologicheskogo kongressa [Proceedings of the of the Fourth regular all-Russian sociological congress]. ROS, IS RAN, AN RB, ISPPi. Moscow: ROS, 2012, pp. 2549–2557. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>. (Accessed 18.09.2018).

15. Khukhlaev O.E., et al. Social Identity and Ethnic Attitudes in Students from Chechnya. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 23–40. doi:10.17759/sps.2015060403. (In Russ., abstr. in Engl.).

16. Titov R.S. Kontsepsiya individual'noi religioznosti G. Olporta: ponyatie religioznykh orientatsii [Gordon Allport: The Concept of Personal Religious Orientations]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2013, no. 1, pp. 2–9. (In Russ., abstr. in Engl.).

17. Torchinov E.A. Vvedenie v buddologiyu: kurs lektsii [Introduction to Buddology: a course of lectures]. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000. 304 p.

18. Khukhlaev O.E. Etnonatsional'nye ustanovki sovremennoi Rossiiskoi molodezhi [Ethnic attitudes of contemporary Russian youth]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2011, no. 1, pp. 46–57.

19. Khukhlaev O.E., Shorokhova V.A. Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie religioznoi identichnosti u pravoslavnoi molodezhi [Research on Religious Identity of Orthodox Youth]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 35–50. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070203

20. Shorokhova V.A. Religioznaya identichnost' musul'manskikh podrostkov i molodezhi: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [The religious identity of Muslim youth. A socio-psychological approach]. *Minbar. Islamic Studies*, 2019. Vol. 12 (2), pp. 585–589. doi:10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598

21. Shorokhova V.A., Khukhlaev O.E., Dagbaeva S.B. Vzaimosvyaz' tsennostei i religioznoi identichnosti u shkol'nikov buddistskogo veroispovedaniya [Relationship between Values and Religious Identity in Buddhist Adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 66–75. doi:10.17759/chp.2016120107. (In Russ., abstr. in Engl.).

22. Shumilova E.A., Hodzhaeva E.A. Osobennosti stanovleniya rossiiskoi grazhdanskoj identichnosti musul'man v Tatarstane [The civil identity development features of Tatarstan muslims]. In Magun V.S. (ed.), *Grazhdanskie, etnicheskije i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities of the modern Russia]. Moscow: IP RAN, 2006, pp. 132–140.

23. Khukhlaev O.E., et al. Etnonatsional'nye ustanovki i tsennosti sovremennoi molodezhi [Ethnonational Attitudes and Values of Present Day Youth]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2011, no. 4, pp. 97–106. (In Russ., abstr. in Engl.).

24. Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1967. Vol. 5, no. 4, pp. 432–443. doi:10.1037/h0021212

25. Clobert M., Saroglou V., Hwang K.-K. Buddhist Concepts as Implicitly Reducing Prejudice and Increasing Prosociality. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2015. Vol. 41 (4), pp. 513–525. doi:10.1177/0146167215571094

26. Donahue M.J. Intrinsic and extrinsic religiousness: Review and meta-analysis. *Journal of Personality & Social Psychology*, 1985. Vol. 48, no. 2, pp. 400–419. doi:10.1037/0022-3514.48.2.400

27. Clobert M., et al. East Asian Religious Tolerance-A Myth or a Reality? Empirical Investigations of Religious

34. Van Camp D., Barden J., Sloan L. Social and Individual Religious Orientations Exist Within Both Intrinsic and Extrinsic Religiosity // *Archive for the Psychology of Religion*. 2016. Vol. 38(1). P. 22–46. doi: 10.1163/15736121-12341316
- Prejudice in East Asian Societies. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2014. Vol. 45 (10), pp. 1515–1533. doi: 10.1177/0022022114546641
28. Goplen J., Plant A. Religious Worldview: Protecting One's Meaning System Through Religious Prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2015. Vol. 41 (11), pp. 1474–1487. doi: 10.1177/0146167215599761
29. Greenfield E.A., Marks N.F. Religious social identity as an explanatory factor for associations between more frequent formal religious participation and psychological well-being. *International Journal for the Psychology of Religion*, 2007. Vol. 17 (3), pp. 245–259. doi: 10.1080/10508610701402309
30. Leach C.W., et.al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95. no. 1, pp. 144–165. doi: 10.1037/0022-3514.95.1.144
31. Hansen I.G., Norenzayan A. Between yang and yin and heaven and hell: Untangling the complex relationship between religion and intolerance. In McNamara P. (ed.), *Where God and science meet: How brain and evolutionary studies alter our understanding of religion*. Westport, CT: Praeger, 2006, pp. 187–211.
32. Peek L. Becoming Muslim: The development of a religious identity. *Sociology of Religion*, 2005. Vol. 66 (3), pp. 215–242. doi:10.2307/415309
33. Worthington, E.L., et al. The religious commitment inventory–10: Development, refinement, and validation of a brief scale for research and counseling. *Journal of Counseling Psychology*, 2003. Vol. 50 (1), pp. 84–96. doi:10.1037/0022-0167.50.1.84
34. Van Camp D., Barden J., Sloan L. Social and Individual Religious Orientations Exist Within Both Intrinsic and Extrinsic Religiosity. *Archive for the Psychology of Religion*, 2016. Vol. 38 (1), pp. 22–46. doi:10.1163/15736121-12341316